

Юрий Валин

**МАМАЛЫЖНЫЙ
ДЕСАНТ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
В15

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 248

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Валин, Юрий

В15 Мамалыжный десант : роман / Юрий Валин —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2023. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-158114-5

Отдел «К» продолжает работу. Эта книга о рядовом составе Отдела, о людях, которые не выбирали, где и как им воевать, а просто выполняли свой долг.

Апрель 1944-го. Тимофею Лавренко, призывнику полевого военкомата, через несколько дней предстоит вступить в бой. Как сложится его судьба, куда выведут мальчишку фронтовые дороги, можно лишь угадывать и предчувствовать. Но в судьбу и суеверия Тимка не верит, он верит только в Победу.

На этот раз бойцы опергрупп Отдела «К» действуют на самом южном фланге фронта. Днестровские плацдармы, Дунай, Югославия, далее везде...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158114-5

© Юрий Валин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Апрель. У Днестра	6
2. Май. Сталинградцы	40
3. Май. Переправа	62
4. Август. Фрукты	89
5. Август. На запад и обратно.....	120
6. Август. Между водой и песком	143
7. Август. Плавни и дальше	170
8. Сентябрь—октябрь. Тыл.....	202
9. Конец сентября. Дунай	215
10. Октябрь. Дворы и парашюты.....	231
11. Октябрь. Столица.....	254
12. Октябрь. Прорыв.....	279
13. Октябрь—ноябрь. Тылы.....	312
14. Декабрь. Станция на маршруте	343
15. Декабрь. Разделенный город.....	371
16. Январь. Сардины	397
17. Январь. Задача.....	427
18. Январь, февраль, декабрь. Сдавая документы. Эпилог	462

Автор благодарит:
Юрия Паневина — за помощь и советы;
Евгения Львовича Некрасова — за литератур-
ную помощь и советы;
Михаила Рагимова — за литературную по-
мощь.

1. Апрель. У Днестра

К утру дождь закончился, лужи светились лунным апрельским холодом. Тимофей старался сапоги не мочить, иной раз приходилось обходить разливы луж впритирку к стенам домов. За подслеповатыми окнами царила тишина: невеликий городок Чемручи* еще спал. Освободили город вчера, особо боев не случилось, только на окраине наши слегка постреляли, наткнувшись на дурных отставших немцев.

Тимофей обогнул очередную лужу, нервно зевнул и пожегил: холод пробирался под вытертый ватный пиджак, словно зима никуда и не девалась. Это от сырости. Дожди шли и шли, землю развезло просто зверски, но это не повод в хате сидеть, задницу греть. Вон, соседний Дубоссарский район еще в марте освободили, люди воюют давно, а тут...

У Тимофея имелся повод спешить. Сам он был не городским — ну, если Чемручи можно городом именовать, — посему пришлось встать едва за полночь и сразу выходить. Печь с вечера не топил, поэтому запер дверь неуютной выхоленной хаты, сунул ключ под крыльцо — кому надо найдут — и, не оглядываясь, двинул напрямую через виноградник. Так и не оглянувшись на Плешку — село растаяло во тьме, словно и не бывало. В сторону кладбища глянул, это было. Ладно,

* Названия некоторых населенных пунктов, номера воинских частей и фамилии изменены. Данная книга — художественная, дающая представление о реальных событиях, основанная на воспоминаниях участников и реальных документах, но не претендующая на звание исторического справочника или военно-исторического исследования.

чего уж теперь. Новая жизнь впереди, знай шагай к ней, петляя между студеных луж.

Немногочисленные улочки Чемручи были, конечно же, хорошо известны раннему прохожему. В последние месяцы совался Тимофей в город не часто: того и гляди загребут и в Германию угонят. Так что заказчики хоть и ворчали, но сами в Плешку ходили. Хотя и заказов на ремонт ботинок и сапог было с гулькин нос: и городок, и окружающие его села, затаив дыхание, ждали судьбоносного прихода Красной армии. А как она пришла, так поди заметь, что пришла — промелькнули утром немногочисленные бойцы, да и все. Красный флаг на бывшей управе уже сами горожане вывесили.

Тимофей остановился и прислушался — на западе рокотало. Не очень грозно, но настойчиво. Будет еще служба засидевшимся в холодке гражданам! Хватит, отдохнул, вдоволь насмотрелся на румын и немцев, натворил от безделья глупостей. На фронт, и никаких задних мыслей!

По правде говоря, ранний прохожий, несмотря на свою юность и самокритичность, твердо знал, что он не бездельник. И руки откуда надо растут, и сложились обстоятельства иначе, давно бы воевал, и вовсе не в малодушных тыловых рядах. Но против жизненных обстоятельств, хоть как лбом упираться, а переть напролом не получается.

Тимофей выбрался на сухое место, вздохнул, поправил кепку, придирчиво осмотрел обувь. Сапоги с виду невзрачны, но рыжеватая кожа надежна, швы прошиты и вощены на славу — в общем, правильная обувь, поскольку сам кожи подбирал, сам шил и берег для вот такого утра.

«Талант у тебя, Тимотей, — говорил, цокая языком, дядя Илие, — а сапожный талант — он один из наипервейших! Это на скрипке можно пиликать, а можно не пиликать, общество только чуть поскучнее станет. А без обуви какое общество? То не общество, а чистый голый зоосад!»

Дядя Илие бывал в Кишиневе, дважды видел в передвижном зверинце льва и обезьяну, чем очень гордился. Может, и еще увидит, если не убьют. Дядю Илие румыны мобилизовали еще летом 42-го, не повезло сапожнику — по причине чистой румынской крови загребли только так. Писал жене

из Крыма: мол, «жив, здоров, кушаю, как на той свадьбе у Дмитру». Тетка Надья плакала: на той памятной свадьбе супруга здорово поколотили и два зуба вышибли.

Потом писем и вовсе не стало, а Тимофей, уж давно привыкший отзываться на Тимотея, все так же исправно сидел в старой крошечной мастерской, возвращал жизнь потрепанной «праздничной» обуви селян и экономных городских обывателей, делил вырученные леи с теткой Надьей и скрипел зубами, дожидаясь, когда такая проклятая жизнь кончится. Ну, не то чтоб она прямо с утра до вечера была проклятая, случалось в ней порой и очень хорошее, но поминать о том нельзя.

Вот! На здании бывшей украинской школы висел красный флаг, к двери была прищилена свежая, но уже промокшая бумажка. Тимофей поднялся по ступенькам и не без труда прочел: «Призывной пункт воинской части п/п №...». Едва забрезживший тусклый свет сумрачного весеннего утра расшифровке цифр не способствовал, но и не особо требовалось тот номер угадывать. Номер полевой почты — вещь секретная и мало что говорящая, вот призовемся, тогда все узнаем.

Тимофей сел под дверь и приготовился ждать. Но на крыльце подкапывало, и если по-умному, то имело смысл иное место подыскивать. Призывника с соплями запросто могут и не взять.

Во дворе было еще мокрее и пахло свежим навозом. Тимофей обошел лужу-трясину и встал под навес дверей сарая. Внутри сонно зафыркали лошади.

Истошно заскрипела задняя дверь школы, на ступеньки вышел человек в накинутах на плечи телогрейке, посмотрел на небо, поежился и принялся расстегивать военные галифе. Тимофей культурно кашлянул. Человек вздрогнул и потянулся к кобуре.

— Я свой! — поспешно заверил ранний визитер, почувяв, что служба может и вообще не состояться.

— Свой? Какой еще свой в потемках? — пробормотал военный, держа руку на кобуре, и заорал: — Гончарук, ты часовой или что?

— Що? — отозвались откуда-то из-за угла школы.
— Я тебе дам «що»! — возмутился громогласный военный. — Ты, твою мать, где прячешься?! Почему по двору сторонние гуляют?

Из-за угла высунулся красноармеец и пояснил:

— Та я до воды ходил. Завтрак же...
— А если немцы к нам еще до завтрака забредут? — разозлился военный. — Я сейчас тебе ведро на башку надену!
— Так а що, опять те немцы? — Красноармеец посмотрел на Тимофея. — То пацан!

— Я не пацан, а призывник, — счел нужным уточнить ранний гость.

— Во, то призывник! — обрадовался боец Гончарук. — Тока не особо гвардейского объема в пузе и росте.

Военный на ступеньках в сердцах сплюнул, спустился с крыльца и сказал Тимофею:

— Жди, раз призывник. Сейчас разберемся.

Тимофей ждал, когда командир управится с утренними делами, и думал, что служба начинается как-то не так. Нужно было до нормального утра выждать, не переться спозаранку.

Командир вернулся, поправляя телогрейку, уже более спокойно спросил:

— Так кто такой?

— Лавренко Тимофей Артемович, одна тысяча двадцать шестого года рождения, прибыл для призыва и прохождения службы! — Будущий призывник достал свои справки.

— Что прибыл, хорошо. С бумагами повременим, все равно ни зги не видно. А чего тебе не спится, Тимофей Артемович? — Командир как-то судорожно и болезненно зевнул, прикрывая рот справками призывника.

— Так вышло, товарищ командир. Я с села Плешки, тут пока дойдемь...

— Ранний ты призывник, далеко не все на фронт так спешат. Ладно, раз пришел, помоги вон бойцу с водой...

Тимофей помог с водой, потом с дровами. В школе было не особо уютно, но получше, чем на улице. Неуклюжий

Гончарук возился с печью, ставил чайник. Командир — он оказался в капитанском звании — брился, попросил подержать зеркальце ближе к свету: лампа была единственная, да и та глубоко коптильной конструкции. Тимофей держал зеркало, посматривал на погоны капитана.

— Не привык еще к погонам? Ничего, привыкнешь. Так куда торопишься, ранний товарищ Лавренко? — ухмыляясь углом рта, спросил капитан.

— А чего тянуть? — угрюмо сказал Тимофей. — Сидел под немцами-румынами, как та мышь под веником, пора гадам долги отдавать.

— Порыв хороший, правильный. А ты, случаем, не сотрудничал тут с оккупантами? Если думаешь на фронте застрять, то напрасно...

— Товарищ капитан! — Зеркало в руках Тимофея дрогнуло.

— Спокойно. На полицаю ты не особо похож, но вопрос-то правомочный, а? Всяких хитрых граждан мы видели.

— Понимаю. Готов дать полный отчет, — горько заверил Тимофей. — Я, товарищ капитан, перед войной в комсомол готовился, на «Юного Ворошиловского стрелка» сдать успел, гранату на отлично метал. Сюда к тетке приехали — и вдруг война. Мать болела, уйти не успели. Я бы уже давно был на фронте, вот даю честное слово. А в Чемручи и районе даже партизан не имелось.

— У всех так. — Капитан осторожно отер бритву. — Сплошь «уйти не успели» и сплошь «Ворошиловские стрелки». Просто удивительное количество стрелков и патриотов. Как сейчас мать-то?

— На Плешковском кладбище. Еще в сорок первом умерла.

— Да, это не у всех. Ладно, про сотрудничество я для порядка спросил. По возрасту и комплекции ты на полицая едва ли тянешь, там хлопчики лихо хари откармливали. Отец воюет?

— Не знаю. К нам одно письмо в самом начале только и проскочило. Он на заводе. Гальванический цех.

— Дело хорошее. — Капитан продолжал ухмыляться, осторожно и не очень ловко работая бритвой, почему-то левой рукой. — А где тут завод-то был?

— Товарищ капитан, я же говорю: мы из Харькова. У меня справка из школы, там все...

— Харьков — это тоже хорошо, — согласился капитан. — Тут у нас дивизия есть, так и называется — Харьковская. Впрочем, это военная тайна. А Харьков — город известный. Говорят, разрушен здорово и народ фашисты сильно изничтожили. Ну ничего, отстроим. А чего ты, товарищ Лавренко, без сидора или иного мешка с пожитками?

— А чего барахло таскать? Ложка и зубная щетка с собой. Остальным вы обмундируете, — пробормотал Тимофей.

— Гм, верно, конечно. Только амуниции и тушенки с перловкой сразу не будет, на это не рассчитывай.

Капитан принялся промывать помазок, и теперь стало очевидно, что командир ухмыляться и не думал, просто у него угол рта сдвинут, да и кожа до уха неестественно натянута шрамом. Осколок, наверное, задел.

Капитан продолжил объяснять:

— На дорогах видел, что делается? Отстали тылы, а приказ — «Вперед!», и его нужно исполнять. Так что напрасно ты харчем не запасся.

— Потерплю. Я привыкший.

— Тоже верно.

Капитан утер лицо, сел за стол и, наконец, развернул справку будущего призывника. Тимофей затаил дыхание.

— Так, по-румынски у нас только одна кобыла понимает, да и та контуженая. — Капитан отложил справку из городского отделения жудеца*. — Вот, эта доступнее. «Справка дана Лавренко Т. М. в том, что он успешно окончил...» Что ж ты так документы бережешь? Пятно вон какое.

— Пожар был, товарищ капитан. Сажа в трубе загорелась, пальто тогда вообще не спас. Обычная справка, там

* *Жудец* — административный округ на территориях, оккупированных Румынией.

было «успешно закончил шестой класс школы № 36, переведен в седьмой класс». Вон и табель.

— Табель вижу. Гм, ну допустим. — Капитан отложил испятнанную бумажку и посмотрел на призывника. — От чего бежишь, гражданин Лавренко?

Тимофей взгляд выдержал и четко сказал:

— От стыда бегу, товарищ капитан. Хватит уже, насиделся в тылу.

— Темнишь малость, Лавренко. Но не к теще на блины отправляем. Что ж, если сотрудничеством с немцами не замаран, иди, воюй. Но если нагрешил, лучше сразу сознайся, иначе люди знающие найдутся, все равно подскажут.

— Товарищ капитан, я фашистов не меньше вашего ненавижу! Мне только винтовку дайте.

— Верю, верю. Иди, скажи Гончаруку, чтобы кипятка тебе налил, и жди формирования команды. Ну и помоги ему там, чтоб зря не сидеть.

Тимофей помог с водой и лошадьми. Потом, когда начали подходить призывники, помогал невыспавшемуся писарю-ефрейтору составлять списки. Сам писарь был волжанином, к местным именам и фамилиям еще не приспособился, сам путался, да и многие призывники от вопросов и волнения дарвнятности теряли.

Национальностями и диковинными фамилиями городок Чемручи и его окрестности были весьма богаты: молдаване и украинцы, поляки и гагаузы, болгары и румыны... До войны и евреев с немцами хватало, сейчас-то, конечно, их в списках не имелось. В военкомат в эти дни шли по большей части без повесток: слух прошел, что забирают, мужчины призывного возраста сами приходили, не дожидаясь бумажек. Хотя, конечно, не все шли, но, как сказал капитан, «никого не позабудем, пусть и не надеются».

По слухам, должны были собрать новобранцев человек пятьсот, это если со всей округи и дальних сел, но Тимофей уже понял, что такого не будет: спешит полевой военкомат. Дивизия ведет бой, преследует немцев и румын, скоро бросок за Днестр, а там и до Кишинева меньше полста километров.

Бойцы дивизии нужны позарез: наступление хотя и ходкое — сейчас победный порыв только грязь и сдерживает, — но личного состава не хватает. Посему формальности и медкомиссия сведены к минимуму.

В полдень капитан велел построить новобранцев во дворе, вышел и сказал кратко, но доходчиво:

— Товарищи! Идет наступление. Враг панически отходит, и наш славный Второй Украинский фронт решительно нацелен на скорейшее освобождение столицы Советской Молдавии. Поэтому боевое обучение, освоение оружия и тактику фронтовых действий вы будете осваивать непосредственно в своих подразделениях. Поздравляю вас с вступлением в нашу дружную гвардейскую семью! Иванцов, грузи бойцов — и вперед!

Сержант скомандовал «По двое становись!», что сделать оказалось затруднительно: лужа посреди двора была глубока, как омут. Будущие гвардейцы потянулись со двора. Тимофей оглянулся на капитана, тот кивнул и, кажется, вздохнул.

Тимофею полегчало и одновременно стало стыдно. Не хорошо службу начинать с обмана и даже подлога — это же вообще откровенное преступление. Но что делать? В конце концов, не убавил же себе возраст гражданин Лавренко, а прибавил. Простится, если вдруг вскроется. Есть такие надежды.

Было Тимофею Лавренко шестнадцать лет, и на фронт ему нужно было просто до зарезу. По личным мотивам и из-за полной безнадежности ситуации.

Куцая колонна шагала по краю улицы, под ногами чавкало. Сержант ободрял зычным голосом. Казалось, уже к дороге на Григориополь пора сворачивать, но прошли еще прямо — напротив амбаров, у кучи зеленых ящиков, ждали несколько красноармейцев.

— Бери, славяне! Ежели кто жадный, можно по два!

Новобранцы подходили поочередно, забирали боеприпасы. Тимофей тоже получил из свеженького ящика скользкий снаряд. Боеприпас был в смазке, сильно пачкался; но-

вобранцы, хоть и не блистали парадной одеждой, бурчали ругательное.

— Без гомону! Такое ваше первое боевое задание. Это трехдюймовые, они на батареях сейчас на вес золота! Да и чего порожняком-то ходить? Веселей, веселей, вы ж теперь гвардия! — призывал сержант Иванцов.

Снаряд — красивый, золотистый, со строго-серой, опасной головкой — показался Тимофею не особенно тяжелым*. Но шагов через сто выяснилось, что нести его жутко неудобно. Да еще грязщица...

Не было уже никакой колонны, шли цепочкой вдоль похостей на болото дороги парни и мужчины в разномастных ватниках и полупальто, несли уже не очень золотистые снаряды. Обходили увязшие в грязи выше колес грузовики, обгоняли едва ползущие двуколки с зарядными ящиками, пушки и подводы, грязных, как черти, артиллеристов и измученных лошадей.

Хотя все вокруг чавкало, фыркало и хрипло материлось, Тимофею вновь казалось, что он один. Шаг, еще шаг; попадешь след в след — плохо, не попадешь — еще хуже. Снаряд лежал на плече, мыслей «а вдруг рванет?» давно уже не имелось. Странно, тут же до Днестра не так и далеко должно быть? Ходил год назад за дешевой кожей, такая даль не помнилась, вроде быстро тогда дошел. Где река-то?

Реку призывник Тимофей Лавренко увидел уже в темноте. Вернее, плавни увидел, а вода лишь изредка проглядывала. Заканчивался день одиннадцатого апреля 1944 года, а команда все шла и шла, иной раз теряя дорогу и направление, ориентируясь лишь на осипший голос сержанта Иванцова. Наконец куда-то свернули, кому-то отдавали снаряды, потом попадали в сарае на сырую солому. Где-то недалеко стреляли, в нос бил кислый дух овчинного воротника соседа, есть уже не хотелось, только спать.

* Выстрел 76-мм с осколочно-фугасным снарядом весит около 6,5 килограмма.

Не так Тимофей представлял себе побеждающую Рабоче-крестьянскую Красную армию, но жизнь приучила к тому, что она — настоящая жизнь — вовсе не такая, как думалось до войны мальчишке Тимке. Привык уже призывник Лавренко и не удивлялся.

* * *

Завтракали всухомятку: кухня не пришла. Сухари — черные, сытные, странным образом напоминавшие о довоенных детских вкусах-впечатлениях; еще был чай — сладкий, густой, как сироп. Кто-то из призывников говорил, что сахар немецкий, трофейный и ненастоящий, ну и ладно, зато его было много. В выбитые ворота амбара заносило влагу моросящего дождя, тянуло холодом и развезенной грязью. Тимофей почувствовал, как от этой стылости и сладкого запаха дымного кострового чая начинает вновь неудержимо тянуть в сон.

Но тут пришел офицер, приказал строиться. Командир оказался замполитом полка — теперь так называли комиссаров. Он объявил, что сейчас будут занятия по боевой подготовке, потом принятие присяги и распределение по ротам.

— Далее взводим пружину диска, — объяснял усатый боец в ловкой короткой телогрейке. — Аккуратненько, вот так... Щелчки чувствуете? Восемь раз щелкнет — и хорош.

Новобранцы наблюдали за возней с магазином. Автомат ПППШ многие видели впервые и в больших сомнениях полагали, что винтовка будет понадежнее. Тимофея оружие разочаровало: это ж какое количество патронов вмещается?! Да еще запасной диск!

— А потом вставляем патрончики. Опять же аккуратненько, быстро, но неспешно, «ручейком», как и написано в наставлении. — Автоматчик ловко вставлял небольшие патроны. — Землю диском не черпаем, солому внутрь тоже не пихаем, автомату она без надобности.

— Все ж мудрено, — сказал один из новобранцев, тоже с усами, но подлиннее и почернее, чем у инструктора. — А штык к нему полагается?

— Куда тебе штык? Консерву открывать? Так те консервы и шнапс еще отбить у фрица нужно. Так что если врукопашную сойдешься, бей немца прикладом, немец нынче не обидчивый, непременно на штык не особо и претендует.

Новобранцы начали возиться с диском, а длинноусый тайком пересел к другому кружку, где нормальную винтовку разбирали.

— Эй, Лавренко, есть такой? — крикнули от ворот.

Тимофей растерянно поднялся.

— Чего стоишь? — рассердился худой командир-офицер. — Ко мне бегом!

Пришлось спешно протискиваться между сидящими на соломе. Тимофей успел поправить ватник, вытянулся перед строгим офицером.

— Я Лавренко.

— Вижу, что ты. Идешь со мной, — распорядился офицер, вблизи оказавшийся ненамного старше Тимофея. — Тебе в минометчики назначено. Осознал счастье?

— Осознал. А почему в минометчики?

— Потому. Живо за мной, и без разговорчиков! Сидор где?

— Я без мешка.

— И кого присылают? — закатил глаза офицер. — В бумагах про него «образованный и грамотный», а у него даже мешка нет. Растяпа! Ничего, оботрешься. В роте и не таких выучивали. За мной шагом марш!

Тимофей шел за заносчивым офицером и пытался понять, в каком звании новый начальник. На одном мятом погоне у того имелась звездочка, на другом было пусто. Что бы это значило? А, нет, на втором погоне дырка угадывалась — наверное, просто потерялась звездочка. Младший лейтенант, артиллерист-минометчик. А гонору как у комдива.

Обнаружилось, что вокруг много войск. Солдаты спешно несли какие-то доски и металлические ящики; вот, кидаясь грязью, прокатила открытая приземистая коротенькая машина. Потом Тимофей увидел танки: две гусеничные машины, тоже короткие и не особо массивные, прятались посреди